

Культура. — 1996. — 13 июля. — С. 13
**Премьеры и дебюты
 Ларисы Рудаковой**

ЖИЗНЬ ПЕВИЦЫ

Самое страшное для актера — невостробованность. Он постоянно пребывает в подсознательном ожидании премьеры, получив которую, смиренно готовится к творческой паузе. Однако в любом правиле всегда есть место исключению. Именно таким исключительным, полным премьер и дебютов, стал нынешний сезон для молодой "звезды" Большого театра России Ларисы РУДАКОВОЙ. Началось все под самый новый год с дебюта на сцене "Метрополитен-опера" в партии мопарттовской Царицы Ночи, а завершилось Виолеттой в вердиевской "Травиате" на подмостках ГАБТа.

Выступление на сцене Мет стало для вас первым зарубежным ангажементам?

— Да. До того мне лишь предлагали участие в постановках и в основном на немецких сценах. Но все контракты предлагались или уж очень небольшими театрами, или касались малоинтересных партий, так что довольно долго приходилось от всего отказываться. А когда пришло приглашение в Мет на Царицу Ночи, я подумала, что выступить в таком театре долго упрашивать не станут, и решила не испытывать судьбу. Как бывает в подобных случаях, я отправилась на предварительное прослушивание. Спела две арии Царицы Ночи и арию Семирамиды — и мне сразу предложили контракт на четыре спектакля.

А какой была ваша Царица Ночи на сцене Мет?

— Партия эта небольшая, но вокально очень сложная. А я была вынуждена выйти на сцену без единой оркестровой репетиции, так как из-за одного вводящегося солиста администрация театра не может позволить себе собирать оркестр. Мет, как и любой оперный театр мира, испытывает сегодня финансовые трудности и должен экономить средства. Для меня же это было вообще первым в жизни исполнением партии Царицы Ночи. К тому же я не работала с режиссером Джоном Коксом, поставившим спектакль в 1991 году, ассистент же, отвечающий за вводы, показал мне только разметку мизансцен. Обычное дело, конечно, но от этого не легче. Мне пришлось — и без всякой помощи — перевоплощаться каждой своей клеточкой, так как по-человечески мне совсем неблизок образ подобного монстра. От первого спектакля в памяти осталось только ощущение всепоглощающего волнения, переходящего в панический страх. Так что ни о каком моральном удовлетворении говорить здесь не приходится.

Может быть, для такого "тройного" дебюта следовало бы выбрать "тихий" европейский театр?

— Наверное, так было бы лучше и правильнее. В столь ответственных случаях, конечно, следовало бы исполнять уже спетые где-то партии. Однако на практике, как правило, этого добиться очень сложно. Но если бы в Мет я имела возможность пройти полный репетиционный цикл, многих ошибок можно было бы избежать. Интереснее и полезнее приезжать на новую постановку, а не вводиться в уже существующий спектакль. Работа с режиссером позволяет действительно создать образ не только в музыкальном плане, но и актерском, а также вернее рассчитывать свои силы и взаимоотношения с партнерами.

Этим, надеюсь, ваши "американские" проблемы исчерпываются?

— Верно. Я старалась никуда не выходить. Нью-Йорк, как известно, — город контрастов, а я не люблю ни контрасты, ни большие города. Мне нравятся места, где можно найти тишину и чистый воздух. К примеру, в Германии я чувствую себя очень комфортно. Однако, когда я вошла в предложенные мне нью-йоркские апартаменты, я была сражена наповал. Они, естественно, не шли ни в какое сравнение с общежитием Большого театра, в котором я живу в Москве. Наша профессия — постоянный стресс, а я прихожу "домой" и знаю, что здесь меня ждет еще больший стресс; туда и заходить-то не хочется. Соседи, естественно, очень далеки от твоих проблем. К тому же у одних заболел ребенок, у других тоскует собака, а ты на следующий день без голоса. И конца этому не видно. Поймите, патриотизм патриотизмом, любовь любовью — к родному театру, но скоро моему терпению наступит предел. Если считать годы учебы, я уже пятнадцать лет мыкаюсь по "общагам". А в Америке у меня уходило на быт не более двадцати минут в день, и потому была возможность заниматься творчеством, сколько душа пожелает. Что я и делала — разучивала новые партии и покупала клавиры, смотрела спектакли и видеозаписи. Несмотря на языковой барьер,

все партнеры относились ко мне в высшей степени доброжелательно и корректно. Вообще, западные актеры веселые, жизнерадостные и добродушные. Все помогали и поддерживали друг друга — никто "не тянул одеяло на себя". В отношении абсолютно нет зависти. Люди понимают, что работы хватит всем. Никто не интригует и не подсиживает, как это случается у нас. Там просто нет в этом никакой "необходимости". Короче, полное отсутствие отрицательных эмоций!

Почему вы не пели свой последний — четвертый — спектакль, который транслировался по радио на весь мир?

— Я очень сильно простудилась, и рисковать в сложившейся ситуации не имело никакого смысла. Потому что одно дело — рядовой спектакль, и совсем другое — как раз петь на весь мир. При том, что партия очень сложная, и не каждая певица даже в здоровом состоянии может все исполнить так, как требуется. Спеть хорошо — победителей не судят, а если хоть что-нибудь будет не так, очень трудно потом доказать, что случившееся для тебя не закономерность. В Мет исправно функционирует система "страховки" исполнителей, поэтому годобные ситуации не рассматриваются как чп. В отличие от стечественных театров, где заболеть ты не имеешь права, — это будет считаться предательством.

Как отнеслась к дебютантке избалованная американская публика?

— Очень по-доброму. Она умна и внимательна. На "Волшебной флейте" в зале всегда было много непосредственно и живо реагирующих зрителей. Вообще на любом спектакле Мет аншлаг — явление регулярное. Американская публика к тому же любит писать письма, полные комплиментов, сопровождая их просьбами подарить фотографию с автографом. Поклонники там появляются как-то в одночасье, что было для меня полной неожиданностью. Например, когда я шла перед вторым спектаклем в театр, уже переполняемая мыслями о предстоящем выступлении, ко мне вдруг у служебного входа подскочили несколько человек и выразили желание немедленно со мной сфотографироваться, ввергнув меня в самый настоящий ужас. Я просто убежала, прокричав, что все это можно сделать только после. И после спектаклей действительно приходилось неустойчиво общаться, раздавать автографы и фотографироваться. Но это уже были очень приятные заботы.

Таким образом, можно

Музыка

Царица Ночи. Перед выходом на сцену "Метрополитен-опера"

Фото С. ВОЛОДИНА

сделать вывод, что работа в Мет принесла вам чувство удовлетворения?

— Перед моим отъездом из Нью-Йорка менеджер театра Сара Биллингерст поблагодарила меня и выразила надежду на будущее сотрудничество. Но где бы я ни выступала, в любом, даже самом удачном своем спектакле меня что-нибудь да не устраивает. В этом, конечно, я не оригинальна. Так уж мы устроены: всегда хочется быть чуть-чуть лучше самого себя. Задуманное еще ни разу не получилось у меня на сто процентов. И самое важное — найти свой путь самосовершенствования.

А в какой роли вам хотелось бы вернуться в Мет?

— Прежде для этого придется много потрудиться. И, честно говоря, я с огромным удовольствием прошла бы на этой сцене путь от монстра Царицы Ночи до каких-нибудь лирических образов, которые мне значительно ближе. Например, до Джильды или Лючии.

За последних четыре месяца в Большом у вас было уже три премьеры, в том числе и концертное исполнение "Лючии ди Ламмермур" Доницетти.

— Концертное исполнение — это премьера "наполовину", и мне кажется, это не тот путь творческого развития, по которому должен идти Большой театр. Спектакль все-таки остается спектаклем. И мне именно его не хватало в "Лючии", отчего я чувствовала себя немного скованно. Присутствие декораций и костюмов создают атмосферу, помогающую не только исполнителям, но и публике. Положительное в концертных исполнениях лишь то, что певец получает возможность с

меньшими усилиями записать еще одну партию в свой актив.

Но Оскар в "Бале-маскараде" и Мюзетта в "Богеме" были "полноценными" премьерями.

— Что до вердиевского Оскара, то он был лишь моей премьерой. На языке же театра это называлось "вводом на роль нового исполнителя". А вот выступление в "Богеме" действительно было первой в моей жизни настоящей премьерой на сцене Большого. Я прошла весь изнурительный цикл двухмесячных репетиций с дирижером и режиссером, работала по двенадцать часов в сутки. И хотя я слишком многим не удовлетворена в работе, мне эта роль очень дорога, и не в последнюю очередь потому, что это первая премьера на сцене театра за четыре сезона, остальные свои роли я получала в качестве вводов.

Расскажите, пожалуйста, подробнее о своей самой последней работе в Большом — Виолетте в новой постановке "Травиаты" художественного руководителя театра Владимира Васильева.

— Виолетту я пела и в предыдущей постановке Большого. Мне нравится образ этой сильной, мужественной женщины. Еще несколько лет назад много работала над ролью вместе с известным режиссером Джоном Фишером для одной из немецких постановок. И в принципе любая возможность спеть "Травиату" для меня — творческое счастье. Но что касается нынешней версии, я хотела бы воздержаться от комментариев.

А что вас ожидает в ближайшее время?

— В самых разных оперных

театрах Западной Европы меня ожидают Мюзетта, Микаэла, Констанция, Кукла, Шемаханская Царица, Царевна-Лебедь и, конечно, Царица Ночи и Лючия. Вот только свою любимую Джильду мне, наверное, спеть в ближайшее время не удастся. Контракт на эту партию заключался со мной венецианским театром "Ла Фениче". А его здание, как вам хорошо известно, недавно сгорело.

Кто вам помогает разучивать новые партии?

— По мере возможности занимаюсь со своим профессором Ириной Ивановой Масленниковой, у которой училась в Московской консерватории. На мой взгляд, советы педагога необходимы вокалисту в работе, как воздух. Очень много помогает мне и концертмейстер Большого театра Елена Остроухова.

С какими импресарио вы сегодня сотрудничаете?

— Тут мне очень помогают Фонд культуры Кредо банка и его президент — наша прославленная оперная певица Наталья Троицкая. Поступает очень много контрактных предложений, и трудно квалифицированно разобраться, что мне необходимо, а от чего следует пока отказаться. Это чрезвычайно сложная и кропотливая работа, с которой Наталья Троицкая справляется просто блестяще. За что я ей искренне благодарна. Теперь моя задача заключается в том, чтобы выучить партию и вовремя уехать на постановку. Ведь уже сегодня я "расписана" по 1998 год включительно. Так что впереди только работа, работа и еще раз работа.

Беседовала Мария БАБАЛОВА